

оргіосъ» отпавили къ Воло, для охраненія прибрежныхъ жителей Фессалии.

Отпускные чины греческой арміи, созваны недавно подъ знамена.

Подъ Аграфосомъ, въ Фессалии, произошёл ожесточенный бой между инсургентами и турецкими войсками изъ Лариссы. Инсургенты удерживаютъ свои позиции.

Тѣло убитаго башки бузукми корреспондента газеты «Times» Оглы найдено, привезено въ Афины и завтра будетъ погребено.

— 25-го марта (6-го апрѣля). Газетъ «Politische Correspondenz» сообщаютъ изъ Бухареста: «Донесеніе Братіано о результатѣ его миссіи въ Вѣнѣ имѣютъ удовлетворительный характеръ. Братіано могъ замѣтить во вліятельныхъ австро-венгерскихъ кружкахъ существованіе самыхъ искреннихъ и теплыхъ сочувствій къ Румыніи, судя по преобладающему въ названныхъ кружкахъ мнѣнію, что спорные вопросы между Россіею и Румыніею могутъ быть улажены только путемъ европейскаго рѣшенія».

— 26-го марта (7-го апрѣля). Въ газетѣ «Montagsrevue» пишутъ: «за послѣдніе дни шансы на мирное разрѣшеніе политическаго кризиса выступили нѣсколько сильнѣе на первый планъ. Германия признаетъ существованіе и справедливость всеобщаго европейскаго мира, и рядомъ съ своими отношеніями къ Россіи поддерживаетъ также дружественныя отношенія къ другимъ государствамъ, которыми она пожертвовать не можетъ. Такимъ образомъ Германия принуждена принять на себя роль умиротворяющей и исправляющей державы. Если государство, имѣющее такое большое военное и политическое значеніе, принимаетъ на себя эту задачу, то это слѣдуетъ признать первымъ, быть можетъ, рѣшающимъ ручательствомъ за миръ. При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, мирное рѣшеніе почти не отдѣлится отъ собранія конгресса. По этому отвѣтъ Петербургскаго кабинета на послѣднія заявленія Англіи несомнѣнно будетъ имѣть рѣшающее значеніе для ближайшаго будущаго; если отвѣтъ этотъ оставитъ открытою дверь для предложеній конгресса, то можно надѣяться, что признаки, омрачающіе теперь политическій горизонтъ, постепенно исчезнутъ и интересы всѣхъ найдутъ примирительное удовлетвореніе въ общей потребности мирнаго положенія дѣлъ и въ фактѣ всеобщаго мира. До сихъ поръ не послѣдовало отвѣта ни на поту Англіи, ни на разъясненія, сдѣланныя графомъ Андраси; однако, по всѣмъ признакамъ, можно ожидать мирнаго исхода».

Константинополь, 25-го марта (6-го апрѣля). Засѣдающая въ Санъ-Стефано смѣшанная русско-турецкая коммисія постановила немедленно отправить въ Болгарію делегатовъ, чтобы подготовить возвращеніе семействъ бѣглецовъ на родину. Возвращающіися изъ Санъ-Стефано въ Одессу русскія войска состояли до сихъ поръ изъ больныхъ и неспособныхъ солдатъ.

Сюда прибылъ адмиралъ Горьби.

— 26-го марта (7-го апрѣля). По повелѣнію Султана, турецкое правительство предписало газетамъ воздерживаться отъ помѣщенія воинственныхъ статей, и при обсужденіи отношеній между Турціей и Англіей соблюдать нейтральное положеніе.

Берлинъ, 24-го марта (5-го апрѣля). «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», въ передовой статьѣ, говоритъ: «Съ германской, т. е. вполне безпристрастной политической точки зрѣнія, условія санъ-стефанскаго мира едва ли могутъ служить основаніемъ къ опасеніямъ на счетъ нарушенія германскихъ интересовъ. Германия можетъ желать сосѣдней державъ, Россія, успѣха и признаваемого ею необходимымъ обезпеченія ея интересовъ на Востокѣ; но такъ какъ Германия желаетъ мира не только для себя, а равно и для другихъ государствъ Европы, то для нея не можетъ быть безразлично, станеть ли Россія, вслѣдствіе своихъ требованій, въ противорѣчіе съ другими государствами, такъ же сопредѣльными и дружественными съ Германией, въ противорѣчіе, въ дальнѣйшемъ развитіи котораго кроется опасность европейской войны. Событія послѣднихъ недѣль не содѣйствовали установленію убѣжденія въ томъ, что лица, которые вели переговоры въ Санъ-Стефано, имѣли въ виду тѣ границы, въ кругу которыхъ лежала мѣра уступокъ, быть можетъ достижимыхъ и могущихъ быть сдѣланными, при улаженіи восточнаго вопроса, со стороны участвующихъ въ немъ державъ. Россія могла бы осуществитъ условія мира вполне не иначе, какъ цѣною новой войны».

По мнѣнію газеты, такого положенія дѣлъ можно было бы избѣгнуть; если бы, послѣ паденія Плевны, русская политика вошла въ непосредственное согла-

шеніе съ заинтересованными въ дѣлѣ державами относительно максимума того, что достижимо. Съ другой стороны, газета полагаетъ, что для общаго положенія дѣлъ было бы полнѣе, если бы Австрія, тотчасъ послѣ паденія Плевны, ясно изложила свои условія. «Тогда—говоритъ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» — уже не предстояло бы въ настоящее время преодолевать едва ли переступаемую, по мѣстнымъ правовымъ понятіямъ, рамку заключеннаго и ратификованнаго мира, такъ какъ главная трудность нынѣшняго положенія дѣлъ заключается въ томъ фактѣ, что Россія формально связана теперь торжественнымъ международнымъ актомъ, а не въ требованіяхъ, выставленныхъ Англіей и Австріей, съ тою же зрѣнію ихъ особыхъ интересовъ. Англія и Австрія признаютъ, что на Востокѣ необходимы большія перемѣны; Россія также желаетъ только полнаго преобразованія, но не гибели Турціи. Слѣдовательно, тутъ нѣтъ принципиальнаго противорѣчія, которое раздѣляло бы три непосредственно участвующихъ въ дѣлѣ державы, а оказывается только прискобный недостатокъ своевременнаго согласенія относительно путей, которыми онѣ могли бы, идя рядомъ, достигнуть цѣли».

Газета высказываетъ надежду, что въ концѣ-концовъ общая потребность въ мирѣ одержитъ верхъ, при чемъ найдены будутъ и способъ формально примирить отдѣльные интересы, находящіеся теперь въ противорѣчіи между собою.

— 25-го марта (6-го апрѣля). Вчера прибылъ сюда изъ Бухареста румынскій министръ-президентъ Братіано.

Парижъ, 27-го марта (8-го апрѣля). Вчера произведено 15 дополнительныхъ выборовъ для замѣщенія депутатовъ, избраніе которыхъ было признано недействительнымъ. Извѣстенъ результатъ одиннадцати изъбранныхъ: до сихъ поръ выбрано одиннадцать республиканцевъ.

(Изъ № 69 Прав. Вѣстн.)

Лондонъ, 27-го марта (8-го апрѣля). Въ сегодняшнемъ засѣданіи палаты лордовъ, какъ самая палата, такъ и трибуны были полны; явилось много дамъ, членовъ дипломатическаго корпуса и депутатовъ. Лордъ Виконсфильдъ произнесъ рѣчь, продолжавшуюся часъ съ четвертью. Въ рѣчи этой онъ объяснилъ обстоятельства, вызвавшія посланіе Королевы. «Политика правительства—сказалъ онъ—была во время открытія парламента одобряема всѣми. Съ тѣхъ поръ возникли обстоятельства, которые придали дѣламъ иной видъ». Тутъ ораторъ напомнилъ объ отвѣтѣ, данномъ лордомъ Дерби, въ началѣ войны, на циркуляръ князя Горчакова—отвѣтъ, въ которомъ лордъ Дерби напоминалъ о постановленіяхъ трактатовъ 1856 и 1871 годовъ, особенно по отношенію къ независимости и цѣлости Турціи, и о томъ принципѣ, что ни одна держава не можетъ слагать съ себя обязательствъ, возлагаемыхъ на нее трактатами, безъ согласія на то со стороны прочихъ державъ, участвовавшихъ въ его подписаніи. «Весьма важно принять въ соображеніе, что уже въ началѣ войны исполненіе этого принципа было такъ прямо потребовано британскимъ правительствомъ (Рукопелесканія) Это принципъ нашей политики и нашей дипломатии. Если бы Россія не присоединилась къ вышеупомянутому обязательству, то Англія не могла бы усвоить нейтральной политики. Когда между воюющими сторонами начались переговоры, Россія была увѣдомлена, что всякій ея договоръ долженъ быть договоромъ европейскимъ».

Далѣе, лордъ Виконсфильдъ, указавъ на таинственность, которую были окружены происходившіе между Россіею и Портой переговоры о мирѣ—продолжалъ: «Россія увѣряла, что миръ ея съ Турціею будетъ считаться лишь предварительнымъ, и увѣренія эти оказались достаточными для Австріи, такъ какъ Австрія пригласила державы на конференцію. Нужно замѣтить, что Австрія сдѣлала этотъ шагъ въ качествѣ державы, подписавшей парижскій трактатъ».

Дѣлая затѣмъ обзоръ переговоровъ о конгрессѣ, онъ доказывалъ, что Англія не причиняла затрудненій по вопросамъ второстепеннымъ, какъ на примѣръ о мѣстѣ и днѣ собранія конгресса, о томъ кому быть его президентомъ, и т. д.; а также о томъ чему быть конгрессу или конференціи. Лордъ Виконсфильдъ утверждалъ, что между конференціею и конгрессомъ не существуетъ разницы, но что всѣ эти вопросы англійское правительство признавало второстепенными. «Правительство желало, чтобы конференція или конгрессъ собрались, и полагало, что это было единственное средство къ обезпеченію европейскаго мира. Когда Австрія предложила собрать конгрессъ въ Берлинѣ вмѣсто Вѣны, Англія не возражала противъ этого; но во избѣжаніе проволочки и зная, что между Россіею и Портой продолжаются тайные переговоры, что русская армія подвигается

впередъ и русскія войска окружили Константинополь, мы сочли своимъ долгомъ отправить флотъ въ Мраморное море. Мы считали весьма важнымъ, чтобы политика правительства по извѣщеніи нами согласія на конгрессъ, была еще выяснена очевиднымъ образомъ, не допускающимъ ошибки (unmistakable) (рукопелесканія). Поэтому правительство увѣдомило графа Бейста, что необходимо знать заранее, что каждый изъ пунктовъ русско-турецкаго мирнаго договора будетъ подвергнутъ обсужденію».

«Такимъ образомъ—продолжалъ лордъ Виконсфильдъ—правительство всегда поддерживало великій принципъ, выполненія котораго оно требовало въ началѣ войны».

Говоря далѣе объ употребленныхъ Россіею словахъ: «опѣнка» и «дѣйствіе», ораторъ замѣтилъ, что они «классически не ясны», и прибавилъ: «Во всякомъ случаѣ, Англія не была удовлетворена отвѣтами Россіи, которые она признавала за отказъ того, что Англія предлагала въ видѣ справедливаго и непрѣмѣннаго условія для собранія конгресса».

Обсуждая санъ-стефанскій договоръ, лордъ Виконсфильдъ сказалъ: «Всѣ статьи этого договора, за исключеніемъ статей техническаго характера, составляютъ отступленія отъ трактатовъ 1856 и 1871 годовъ. Я не говорю, что онѣ составляютъ нарушеніе этихъ трактатовъ, такъ какъ онѣ подлежали еще обсужденію на конгрессѣ; и должны считаться только проектомъ подлежащихъ статей. Договоръ этотъ совершенно упраздняетъ то, что называется въ Европѣ Турціею, создаетъ Болгарію, необитаемую болгарію, захватываетъ порты на Черномъ и Эгейскомъ моряхъ и даетъ новые законы, предписанные Россіею греческимъ провинціямъ Эпирю и Фессалии. Черное море стало бы русскимъ озеромъ, подобно Каспійскому морю. Вопросъ о Бессарабіи—вопросъ немаловажный или мѣстный: онъ является дѣломъ, на которомъ сильно настаивалъ лордъ Пальмерстонъ, такъ какъ съ нимъ связана свобода судоходства по Дунаю (рукопелесканія); если бы договоръ былъ приведенъ въ исполненіе, онъ затронулъ бы не только англійскую торговлю съ Персіею, но также свободу судоходства въ проливахъ, обративъ Турцію въ вассала Россіи. Поэтому нужно было сообразить, какъ встрѣтитъ образъ дѣйствій Россіи, причѣмъ казалось, что обстоятельства неблагоприятны для собранія конгресса. Всѣ державы, за исключеніемъ Англіи, болѣе или менѣе страдали въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ вслѣдствіе войнъ, и было совершенно естественно предположить, что онѣ расположены къ миру; но конгрессъ не можетъ состояться послѣ того, какъ Россія отказалась (?) выполнить свои обязательства».

«Большая часть Европейской и Азіатской Турціи затята непріятельскими войсками или находится въ состояніи безусловной анархіи. Невозможно знать что могло бы случиться: путь Англіи въ Азію могъ бы быть закрытъ, русская армія могла бы пройти Сирію (?) и занять Египетъ (?) и Суэцскій каналъ (?). При этихъ обстоятельствахъ, когда весь міръ вооруженъ, должна ли была Англія оставаться безоружною?»

«Мы надѣемся и вѣримъ еще, что конгрессъ есть единственное средство, которымъ мало удовлетворительное положеніе общественныхъ дѣлъ можетъ быть исправлено. Палата знаетъ, какъ наша надежда на конгрессъ была обманута. Когда мы увидѣли, что не существовало никакихъ шансовъ къ тому, чтобы достигнуть улаженія этихъ важныхъ дѣлъ при содѣйствіи трактатовъ и общаго закона Европы, мы должны были подумать о нашей обязанности и нигде не могли отказаться отъ условія, чтобы санъ-стефанскій договоръ былъ предъявленъ уполномоченнымъ (рукопелесканія). Справедливость этого условія признава всѣми и не отрицается даже Россіею».

«При такихъ обстоятельствахъ, когда всякая надежда на рѣшеніе кризиса исчезла—потому что этой надежды не можетъ быть въ виду нарушенія трактатовъ—было необходимо принять мѣры предосторожности. Мы сочли нашею обязанностью посоветовать Королеву обратиться къ парламенту съ посланіемъ о созывѣ резервовъ, чтобы дать арміи 70.000 человекъ. Если Англія будетъ вовлечена въ большую войну, военные источники ея будутъ гораздо болѣе значительны».

При томъ положеніи, въ которомъ находится страна въ настоящее время, когда въ важной части материка происходитъ громадный переворотъ, заставляющій подумать о нѣкоторыхъ изъ наиболее важныхъ интересовъ Англіи и даже о свободѣ Европы (рукопелесканія), я не могу допустить, чтобы былъ хотя одинъ человекъ, который возлагалъ бы отвѣтственность на руководство общественными дѣлами и утверждалъ бы хотя одну минуту, что когда всѣ вооружены, Англія должна оставаться безоружною».